

Дверь снова подала голос.

— Си, что стряслось?

Вошел еще более массивный сибиряк, его голос звучал грубее, с ярко выраженным акцентом. Мужчина, которого называли Си, ответил кратко:

— Ничего.

Он поднял Линь Хуайшэна, распластавшегося на полу. Стоило Си схватить пленника за запястье, как юноша, в свою очередь, вцепился в него. Его пальцы, перепачканные в пыли, впелись в кожу мужчины. Были ли это его корни или оружие? Так или иначе, в этот момент он причинил мужчине легкую, почти незаметную боль.

Ослепший агнец не ведал, что наносит вред, и в его намерениях не было ни капли агрессии. Если его пальцы и напоминали корни, то лишь в стремлении выразить странную, почти болезненную привязанность, жажду симбиоза. Он был слишком слаб, чтобы пробить кожу или добраться до вен, и мог лишь дожидаться, пока его самого задушат, как назойливое насекомое. Си отстранил руку Линь Хуайшэна. Увидев на лице юноши явное разочарование, дополненное незрячим, пустым взглядом, он невольно подумал, как жалко тот выглядит.

Помощник Си вошел следом, разглядывая азиата, который сейчас казался не больше цыпленка.

— Этого выбираешь?

Си помедлил:

— Нет.

Он сам не понимал, почему решил отказаться от прежнего плана, но вслух произнес небрежно:

— Бери тех двоих, делай с ними, как договаривались на днях.

Отдав распоряжение, он сам развязал путы на ногах Линь Хуайшэна и слегка подтолкнул его к выходу.

Юноша еще не привык к слепоте. Несмотря на то, что толчок был слабым, он пошатнулся. Си, не скрывая досады, ухватился за веревку на запястьях пленника и повел его прочь, словно вел на поводке настоящего агнца.

...

Си отказался от жестокой расправы, которую изначально планировал учинить над этим тщедушным заложником. Но для Линь Хуайшэна это не обязательно было благом. Боль от пыток была предсказуемой, знакомой, а то, что ждало его теперь, пугало своей неизвестностью.

Но Линь Хуайшэн не боялся.

Ни капли.

Он не видел мужчину перед собой, но, чувствуя натяжение веревки, знал, что тот всего в нескольких шагах, и это приносило покой. Он брел, спотыкаясь, порой отставая и чувствуя рывок, порой натываясь на широкую спину. Конечно, он врезался в него совсем легонько — словно безобидное, ласковое животное, которое тычется головой в человека, играя с ним.

Си предпочел бы, чтобы это была засада. Он не привык к такому.

Он по-прежнему считал, что каждое движение юноши — лишь часть хитрого плана. В мире, где тысячи раз палачи встречались с жертвами, где разыгрывались тысячи безумных трагедий, почему это должно было случиться именно с ними? Если это была лишь отчаянная попытка прощупать почву, он заставит Линь Хуайшэна горько пожалеть об этом и утонуть в отчаянии.

Си остановился. Линь Хуайшэн, ничего не замечая, продолжал идти.

Когда юноша был готов снова врезаться в него, мужчина выставил руку, преграждая путь. Его пальцы уперлись Линь Хуайшэну прямо в лоб. Юноша вздрогнул и послушно замер. Если он действительно не видел, то ему не нужно было совершать лишних движений, поднимая голову, словно выражая почтение и преданность; если же он видел — то его глаза сейчас были самым опасным оружием.

— Господин?

Голос юноши охрип. Неудивительно — наплакался, воды не пил. Звучало до жалости трогательно. А это обращение господин... не иначе как козни этого агнца. Творец, создавая людей, наверняка питал слабость к подобной чистоте, раз наделил его столь невинным обликом. Но чистота, по мнению Си, была как раз тем качеством, за которым скрывалось больше всего лжи.

Линь Хуайшэн не чувствовал подозрений и пристального взгляда мужчины. Сейчас он был самым счастливым существом на свете, обладая радостью, недоступной никому другому. Ведь господин-похититель лично развязал его и забрал с собой. Раз его не били — значит, он удостоился исключительного внимания. Он был так счастлив! Но из-за слепоты он боялся, что

это счастье не продлится долго. Когда мужчина молчал, его охватывала паника, он протягивал руки, пытаясь нащупать хоть что-то, принадлежащее похитителю.

— Куда вы меня ведете?

Азиатский агнец старался выглядеть как можно послушнее, но мужчина по-прежнему молчал. Сердце юноши упало: неужели он ведет себя неправильно, неужели он не нравится господину? Теперь, когда он ничего не видел, возвращение в камеру казалось безумием, он просто не вынесет этого. Юноша явно занервничал. Он понятия не имел, как угодить похитителю, и его слова и действия стали хаотичными. В конце концов, он искренне взмолился:

— Поговорите со мной, пожалуйста? Издайте хоть какой-нибудь звук...

Си не собирался идти у него на поводу. Он хотел дождаться момента, когда Линь Хуайшэн совершит ошибку. И тогда этот слишком юный, не знающий жизни мальчишка, поняв, что не получит ласки, растерянно замер на месте. У него не было выхода. Любая его попытка сопротивления не могла причинить вреда телу или душе похитителя — его хрупкость, мягкость и даже слабость лишь делали его еще более легкой добычей.

Любой мог обидеть его.

И именно это стало в нем самым притягательным.

Мужчина не убрал руку, задержав ее возле глаз Линь Хуайшэна. Эта рука уже разрушила каждую тонкую нервную нить, отвечающую за боль в теле агнца, и сейчас могла так же легко уничтожить его глаза, слепые они или нет. Но Линь Хуайшэн подался вперед, желая, чтобы жар этой руки коснулся его век. Его опущенные ресницы напоминали крылья бабочки, но он сам считал бабочкой руку мужчины, осторожно ожидая, когда она опустится на него. Он дождался — и наконец прижался к этому теплу.

Господин-похититель по-прежнему молчал.

Но они словно внезапно помирились.

Линь Хуайшэн мягко сжал руку Си и улыбнулся ему. Си смотрел на веревки, стягивающие запястья — раны на руках юноши выглядели ужасающе.

Вслед за ногами, Линь Хуайшэну развязали и руки. Он обрел свободу.

Но как идти дальше, если он ничего не видит?

Все свелось к тому, что мужчина просто взял его за запястье, крепко обхватив двумя пальцами,

и повел за собой.

Си привел Линь Хуайшэна в другую комнату.

Линь Хуайшэн шел, совершенно потеряв ориентацию, зная лишь, что путь был неблизким. Возможно, место, где их держали, было огромным, с бесчисленным количеством комнат, но, к сожалению, он больше не мог различать их. Ему оставалось лишь гадать: в какую именно комнату привел его господин-похититель? Может, в ту, где сам отдыхал?

Мужчина ничего не сказал. Усадив юношу на маленький диван, он молча вышел и запер дверь.

У Си было полно способов проверить, не пытается ли кто-то водить его за нос. Его не было в комнате, но через оборудование он видел каждое движение Линь Хуайшэна. Как только он ушел, юноша стал проявлять явное беспокойство. Диван больше не дарил ему комфорта: он сидел выпрямившись, едва касаясь краем сиденья, и постоянно озирался, пытаясь найти дверь.

Позже он стал еще более раздражительным, встал и начал искать Си. Он натыкался на углы столов и стульев — немногие предметы в комнате стали его злейшими врагами. Он сбился с ног, в панике забывая о боли от ушибов. В конце концов, он опустился на пол, ощупывая ладонями поверхность, чтобы защитить себя от новых травм. Он нашел стену, нашел дверь, измерил руками размеры комнаты, но выбраться не мог. Звук с камер передавался плохо, или же он всегда плакал так тихо, что Си, сидя перед монитором, часами смотрел немое кино. Фильм о страданиях этого ребенка. Даже его подельник, закончив пытать других заложников, подошел ближе и прильнул к экрану, заслонив Си обзор на самого жалкого агнца.

— Си, чем занимаешься?

Мужчина не ответил.

Ему вдруг не захотелось говорить, и он не хотел, чтобы другие понимали. Никто не мог взять в толк, что за игру он затеял с этим агнцем, потому что нити этого противостояния тянулись только между ним и Линь Хуайшэном. Было трое заложников, двое похитителей, но они внезапно стали друг для друга всем, превратившись в единственных в своем роде похитителя и жертву.

На экране юноша сжался в углу. Он долго не двигался, словно был мертв.

Стул с грохотом опрокинулся, Си внезапно встал и вышел.

...

Дверь снова открылась.

И агнец, запертый в этой коробке, воскрес. В тот же миг, как дверь распахнулась, Си увидел, как спина Линь Хуайшэна судорожно дернулась. Это была такая милая реакция, словно он полностью контролировал все чувства этого ребенка, и теперь этот ребенок принадлежал только ему.

Ведь это был агнец, его личный стокгольмский синдром.

Си сделал всего два шага, а юноша бросился к нему навстречу. Несмотря на то, что он уже знал, сколько опасностей таит в себе эта комната, он не заботился больше ни о чем, набивая себе новые синяки. Этот слепыш... как он умудрился превратить путь через комнату в такое долгое странствие? Си подумал, что Линь Хуайшэн слишком хитер. Слишком хитер.

Он решил испытать его искренность еще раз и остался стоять на месте, ожидая, пока Линь Хуайшэн подойдет.

И ребенок подошел. Он был самым жалким и самым милым бродячим псом, которого хотелось приласкать.

Си схватил Линь Хуайшэна за шиворот, так сильно, что тот встал на цыпочки.

Он собирается его ударить? Линь Хуайшэн не мог сдержать дрожь. Он не мог совладать с собой — это было самое страшное, что он мог представить. Если его ударят снова, он точно умрет. Ему было так больно и непонятно: почему похититель бьет его, хотя он был таким послушным? Он хотел верить, что похититель не ударит его. Юноша плотно прижался головой к ладони мужчины, пытаясь спрятаться в ней. Расстояние было минимальным, и Линь Хуайшэн, казалось, почувствовал исходящий от него запах крови и пороха, а тепло тела лишь усиливало этот аромат.

Мужчина той же рукой, что пахла смертью, наконец погладил напряженную, выгнутую спину Линь Хуайшэна, словно лаская маленького зверька.

Линь Хуайшэн все понял.

Он почувствовал, что наконец нашел общий язык с господином-похитителем, и что его похвалили.

Он улыбнулся так, что из глаз покатались слезы. Словно самый преданный ребенок, он изо всех сил прижался к руке и груди мужчины, и в его бесконечном бормотании слышался тихий вздох:

— Спасибо, спасибо!

— Спасибо вам...

Теперь этот человек стал единственным похитителем, принадлежащим только ему.

Голова агнца, покоящаяся на груди, пахнувшей кровью, наконец озарилась спокойной улыбкой.

<http://bllate.org/book/23905/2723421>